

шествовать по своему пути и на этомъ пути хотѣлъ бы избѣжать чьихъ-бы то ни было вліяній, а тѣмъ болѣе еврейскихъ.

Таковъ мой взглядъ.

Весной, когда Левъ Николаевичъ, по пріѣздѣ своемъ, узналъ отъ меня объ этомъ взглядѣ, онъ улыбнулся и указалъ рукой на прудъ (мы тогда что-то работали съ нимъ около пруда).

— Вы видите эту мелкую рябь на водѣ, она чуть-чуть колыхаетъ верхній слой и нисколько не волнуется всю остальную воду. Такъ и мысли этихъ книжныхъ умниковъ.—Эти люди такъ-же мало проникаютъ въ глубь народныхъ интересовъ, какъ эти мелкія извилины ряби въ водную толщу пруда.

Тамъ, въ высокихъ казармахъ душныхъ городовъ, идетъ у нихъ борьба съ измученнымъ еврействомъ, и жестокіе, они думаютъ втравить въ эту борьбу и умный добрый народъ нашъ, которому всегда были чужды злыя чувства нетерпимости къ другимъ. Эти желчныя публицисты и слушающіеся ихъ сухіе, тощіе, съ сухими душами чиновники думаютъ навѣять страхъ на народъ и пугаютъ людей евреями, какъ грозной силой.

Они думаютъ, что конкурирующій съ ними еврей-адвокатъ или врачъ такъ же страшенъ для народа, какъ и для нихъ, и что-то можетъ сдѣлать этой могучей твердынѣ; сильной и крѣпкой своимъ земельнымъ трудомъ, какъ и сама земля.

Пусть, идетъ сюда въ деревню это истомленное тысячелѣтнимъ гоненіемъ племя, для нихъ хватить здѣсь и мѣста, и ласки, и работы землепашца и ничего, кромѣ горячаго привѣта, они не увидятъ здѣсь отъ деревенскихъ людей. Повѣрьте, я живу въ деревнѣ съ малыхъ лѣтъ и живу въ старой, коренной русской деревнѣ, и никогда не наблюдалъ и не слышалъ, чтобъ въ комъ-нибудь изъ деревенскихъ клокотала ненависть къ евреямъ за ихъ вѣру или за ихъ національность. Напротивъ, о вѣрѣ еврейской и преданности этой вѣрѣ услышите отъ cadaго крестьянина самые лучшіе отзывы.